

О. В. Парина

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПАРИН В ПИСЬМАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

Cheilopogon olgae, Parin, 2009

Ольга Парина

**Николай Васильевич Парин
в письмах и воспоминаниях.
Жизнь, посвященная океану**

«Товарищество научных изданий КМК»

2016

УДК 597.2/.5(470+571)(092)(093.3)Парин Н.В.
ББК 28.693.32д(2Рос)Парин Н.В.ю14я43

Парина О. В.

Николай Васильевич Парин в письмах и воспоминаниях. Жизнь, посвященная океану / О. В. Парина — «Товарищество научных изданий КМК», 2016

ISBN 978-5-9908416-9-7

Книга включает рейсовые письма родным и дневники выдающегося российского ихтиолога, члена-корреспондента РАН Николая Васильевича Парина (1932-2012), а также воспоминания и комментарии О. В. Париной. Работая в Институте океанологии АН СССР/РАН более 50 лет, Н. В. Парин участвовал в 20 научно-исследовательских океанических рейсах, проводя в экспедициях в общей сложности восемь лет. Из них в 10 экспедициях в 1955-1979 гг. на борту легендарного НИС «Витязь-III». Эти письма – личные, без самоцензуры, свидетельства о реалиях экспедиционной жизни отечественных ученых в годы «золотой эры» нашей океанологии в 1950-1980-е гг. В эти годы наши океанологи получили множество выдающихся результатов и обобщений, и одним из их авторов в области исследований океанической ихтиофауны был Н. В. Парин. В книге доминируют непосредственные впечатления – об увиденном в разных странах и районах Мирового океана, о судовой жизни и научной работе, отношениях с коллегами и друзьями. Книга буквально «пропитана» личным – она и о большой и высокой любви, выдержавшей длительные разлуки и превратности бытовой жизни. Текст сопровождается фотографиями из личного архива Н. В. и О. В. Париных. Книга предназначена для широкого круга читателей, включая биологов, океанологов и всех интересующихся историей изучения Мирового океана, а также для молодежи как пример яркой жизни в научной и одновременно морской профессии.

УДК 597.2/.5(470+571)(092)(093.3)Парин Н.В.
ББК 28.693.32д(2Рос)Парин Н.В.ю14я43

ISBN 978-5-9908416-9-7

© Парина О. В., 2016

© Товарищество научных изданий
КМК, 2016

Содержание

От автора	7
Вместо предисловия	8
Предисловие	9
Перечень океанических рейсов Н. В. Парина	11
Люди «Витязя»	12
Введение: Nevermore	13
Конец ознакомительного фрагмента.	27

О. В. Парина

Николай Васильевич Парин

в письмах и воспоминаниях.

Жизнь, посвященная океану

© Парина О. В., текст, иллюстрации, 2016

© Товарищество научных изданий КМК, издание, 2016

* * *

Посвящение памяти брата – звучит кантата Генделя «Триумф времени и разочарования». Время жизни не вечно, время вершится, а жизнь разрушается. Проникновенные звуки музыки, то надрывные и резкие, порой разрывающие душу, то успокаивающие и нежные, уводящие в прекрасное время, безудержно пронёсшееся к неизбежно предстоящему триумфу разочарования.

Алексей Парин

Витязь, 25-й рейс, 1957 г.

От автора

Мысль о написании этой книги возникла при разборе твоих бумаг в ящиках письменного стола через весьма длительное время после твоего ухода. Там было много тетрадей с записями морфометрических данных и определений рыб в процессе работы в рейсах, много зарисовок и наметок планов дальнейших работ. Много набросков статей и глав книги, которую ты наметил написать. И среди них обнаружила долго хранимую папку с уже обветшалыми листочками твоих писем к родителям, мне и сыну, а также вырезки из газет, посвященных твоим рейсам. Эти письма не должны были безвозвратно исчезнуть, и я решила перепечатать их и, по возможности, добавить к ним материалы о тех интересных местах, где нам суждено было побывать вместе и которые запечатлелись в нашей памяти. К тому же я всё записывала в дневнике, который очень помог мне. Я постаралась осуществить это, но мои старания ни к чему бы ни привели, если бы не удивительные друзья, которые окружали нас. Они вдохновили меня своим вниманием и готовностью помочь в осуществлении издания этой книги, хотя я совсем не ожидала этого. Моя благодарность им безгранична. Это дружеское неформальное соавторство вдохновляла дружеская любовь и искреннее уважение, которое они испытывали к тебе, как и хорошие добрые отношения между вами, которые помогли им познать некоторые глубинные черты твоего характера и твоё честное доброе отношение к людям.

Первым просмотрел рукопись твой друг Виктор Нейман и сдержанно одобрил её. Ефим Кукуев и Чингиз Нигматуллин из АтлантНИРО (Калининград) поддержали его и многое сделали для публикации этой книги. Е. Кукуев сделал правки названий рыб, уточнил некоторые ихтиологические описания и обеспечил оформление обложки. Я признательна Аркадию Мухину за большую техническую помощь при наборе текста на компьютере. Работу по оформлению обложки выполнила Л. Сазончик, а Л. Старовойтова привела рукопись в рабочее состояние. Ч. Нигматуллин отредактировал исходный вариант рукописи, структурировал её, выделив разделы и подразделы, расставил фотографии по тексту и осуществил подбор издательства и контакт с редакцией КМК. Я глубоко им благодарна за ценные советы, тактичное внесение правок в рукопись, дружеское участие, которое они привнесли в эти полные тепла страницы писем, заставляющие сомневаться, нужно ли вообще это делать, оформление рукописи. И, наконец, большое спасибо редакции КМК, где Кирилл Глебович Михайлов любезно взялся осуществить издание этой книги. Особая благодарность сыну – Николаю Николаевичу Парину за поддержку и финансирование издания книги. Огромную благодарность выражаю всем, кто прочёл эту книгу в рукописи – за их тёплые слова об её содержании.

О. В. Парина

Вместо предисловия

К этой книге не требуется никакого предисловия. Потому что перед вами не обычное литературное произведение в прямом смысле этого слова, а, вернее сказать, послание, адресованное покинувшему этот мир любимому человеку, которому его самая близкая женщина – его жена зачитывает его же письма, как нестираемые в памяти, написанные им самим свидетельства о счастливых годах их совместной жизни.

Я был знаком с Н. В. Париным с 1956 г., но мы никогда не состояли с ним в переписке, Потому что там, откуда приходили приведенные в этой книге его письма, в его морях и океанах, нам нередко приходилось бывать и работать бок о бок, вместе преодолевая штормовую погоду и тоску по родному дому.

Удивительные, полные теплоты и заботы о близких письма этого человека – профессора-морского биолога, члена-корреспондента Российской академии наук Николая Васильевича Парина, которые он писал жене Ольге Владимировне, родителям и сыну, составили основу этой необычной повести о том, как в нашей сумасшедшей жизни через многие годы и невзгоды можно пронести и не расплескать нежную супружескую любовь и преданность осознано выбранной научной идее, двум главным непреходящим жизненным стимулам, сопровождавшим путь этого замечательного человека до его последнего дня, наступившего 18 апреля 2012 года.

В. Т. Нейман

Институт океанологии РАН, Москва

Н. В. Парин и латимерия, Институт океанологии РАН.

Предисловие

Минуло четыре года, как ушел из жизни выдающийся российский ихтиолог с мировым именем Николай Васильевич Парин (1932-2012), член-корреспондент РАН с 31 марта 1994 г. (океанология), главный редактор журнала «Вопросы ихтиологии» (1988-2010), член редколлегии журнала «Океанология», Научного совета РАН по проблемам гидробиологии и ихтиологии, Межведомственной ихтиологической комиссии Госкомитета по рыболовству; трижды избирался вице-президентом Европейского ихтиологического союза; почётный иностранный член Американского общества ихтиологов и герпетологов; иностранный член Японского ихтиологического общества. Кроме того, он был неформальным руководителем и идеологом обширного «незримого коллектива» океанических ихтиологов практически из всех научных организаций СССР, связанных с исследованиями океана. Под его руководством было выполнено более 25 кандидатских диссертаций. С 1990-х гг. он возглавил школу «Океаническая ихтиофауна», которая была официально признана РФФИ.

Работая в Институте океанологии им. П. П. Ширшова АН СССР/РАН более 50 лет (с 1955 по 2012 г.), Н. В. Парин в течение 35 лет участвовал в 20 научно-исследовательских рейсах, проведя в плаваниях общей продолжительностью 8 лет. Из них в 10 экспедициях в 1955-1979 гг. на борту легендарного НИС «Витязь-III» За годы работы им было опубликовано около 400 научных работ, описано 166 новых видов рыб, причем много видов посвящены «Витязю». В честь Н. В. Парина было описано и названо 34 новых видов рыб. Всё это изложено в мемориальных статьях и некрологах.

Основу предлагаемой читателю книги, подготовленной Ольгой Владимировной Париной, составляют письма Н. В. Парина из рейсов родным и его рейсовые дневники, а также ее личные воспоминания и комментарии. Местами использованы и результаты научных публикаций Н. В. Парина. В книге доминируют непосредственные впечатления – об увиденном в разных странах и районах Мирового океана, о судовой жизни и научной работе. И доминирующая острая грусть и даже тоска из-за разлуки с близкими людьми, которые остались на берегу. Особое внимание обращает возрастная эволюция восприятия заморских стран и рейсовой жизни, столь знакомая старым мореходам.

Эти письма в целом – еще одно свидетельство о морской жизни отечественных мореведов в годы «золотой эры» нашей океанологии 1950-1980 гг., когда советские НИСы и поисковые суда собирали гигантский материал, практически на всей акватории Мирового океана. В эти годы наши океанологи получили множество выдающихся результатов и обобщений. Одним из авторов таковых в области исследований океанической ихтиофауны был Н. В. Парин. И оттого его личные свидетельства без самоцензуры особенно важны и ценны.

В целом эта книга сугубо личная. Каждая страница книги излучает человеческое тепло. И это книга о большой любви! Немало места в книге уделено и научным интересам Николая Васильевича, его отношениям с коллегами, друзьями и учениками.

Известно, что Николай Васильевич был во многом «закрытым» человеком и, как правило, недоступным для близкого общения. Это, по-видимому, во многом связано с той «незаживающей раной», полученной в ранней юности: арест отца – академика В. В. Парина по сфабрикованному делу и «клеймо» сына «врага народа» в период формирования личности. И в процессе чтения книги постепенно «проступает» непривычный и для коллег, близко знавших его, образ Николая Васильевича – глубоко интеллигентного, тонкого и весьма ранимого (временами даже с «оголенным» нервом) и доброго человека, беззаветно любящего природу и всецело увлеченного наукой и преданного семье – Дому. Книга написана с глубоким чувством и очень эмоционально. Это в полной мере относится, как к письмам и дневниковым записям Н. В. Парина, так и к воспоминаниям Ольги Владимировны. Удачно дополняют основной

текст книги рейсовые воспоминания В. Г. Неймана – известного океанолога и близкого друга Н. В. Парина.

Вне всякого сомнения, книга будет интересна для широкого круга читателей, включая специалистов биологов и музейных работников, занимающихся историей изучения Мирового океана. Она будет полезна и для молодежи как пример выбора профессии и жизни в ней, а также высоких человеческих отношений.

Е. И. Кукуев, Ч. М. Нигматуллин, АтлантНИРО, Калининград

Перечень океанических рейсов Н. В. Парина

Николай Васильевич Парин принял участие в 20 научно-исследовательских рейсах на судах АН СССР, ТИНРО и ВНИРО, в том числе:

в рейсе НПС «Изумруд» (ТИНРО, 1953 г.);

в 10 рейсах НИС «Витязь III» – рейсы № 22 (1955 г.), № 25 (1957 г.), № 26 (1957-1958 гг.), № 29 (1958-1959 гг.), № 33 (1960-1961 гг.), № 34 (1961 г.), № 35 (1962 г.), № 50 (1971 г.), № 57 (1975 г.), № 65 (1979 г.);

в 4 рейсах НИС «Академик Курчатов» – рейсы № 4 (1968 г.), № 11 (1971-1972 гг.), № 17 (1973-1974 гг.) и № 36 (1983 г.);

в рейсе № 18 (1976-1977 гг.) НИС «Дмитрий Менделеев»;

в рейсе № 2 (1983 г.) НИС «Рифт»;

в рейсе № 15 (1984 г.) НИС «Профессор Месяцев» (ВНИРО);

в рейсе № 18 (1987 г.) НИС «Профессор Штокман»;

в рейсе № 17 (1988-1989 гг.) НИС «Витязь IV».

Всего за 35 лет плаваний Н. В. Парин посетил 35 стран (201 город), среди них:

Рабаул, Осака, Сува, Веллингтон, Нумеа, Ванкувер, Сан-Франциско, Гонолулу, Порт-Саид, Аден, Ходейда, Бомбей, о. Диего-Гарсия, Коломбо, Калькутта, Сингапур, Хило (о. Гавайи), о. Нукухива, Папаэте, о. Мурее, Токио, Джакарта, Перт, Сидней, Мадрас, Виллемстад (о. Кюрасао), Антофагаста, Вальпараисо, Сант-Яго, о. Сан-Феликс, Кальяо (Лима), о. Санта-Крус, Сан-Кристобаль (Галапагос), о. Сант-Андру (Папуа), о. Ниниго (Папуа), Финч-Хавен (Папуа), Мадангро, Фукуока, Лас-Пальмас, о. Виндикейшен (Сандвичевы о-ва), Грютвикен, Порт-Стенли, Буэнос-Айрес, Рио-де-Жанейро, Панама, о. Керолайн, Гуаякиль, о. Фернандина, о. Изабелла и о. Бальтра (Галапагосские о-ва), Пунтаренас, Сан-Хосе, о. Улитио, Маданг (Папуа), о. Алим (Папуа), о. Ниниго, Порт Морсби, о. Киривина, Кавиенг, Давонган, Лоренгау (о. Манус), о. Хеина, о. Хермит, Бонгу, Лаэ, Но-ина, Брисбен, Нукуалофа, о. Номука, Марсель, Барселона, Лиссабон, Дувр, Лондон, Бостон, Виктория (Сейшельские о-ва), о. Альдабра, о. Космоledo, о. Фаркуар, Анциранана, Эльвиль (о. Нуси-Бе), Момбаса, Салоники, Бенавентура (Колумбия), Сан-Хуан (Пуэрто-Рико), Антверпен, Тулиара, Порт-Луи, Аден, Гамбург, Копенгаген.

Люди «Витязя»

*Мы «Витязь» свой любили горячо
И помним всех его заслуженных героев...
Нам не забыть, как создавал харчо
На камбузе кудесник-шеф Лютое*

*Мы помним самый первый донный трал,
С невиданными в мире существами,
Которых Лев Зенкевич в руки брал,
Глядя на них влюбленными глазами.*

*Безруков, честь его научному труду,
Пройдя на «Витязе» сквозь бури и метели,
Открыл на дне железную руду,
Которую на борт поднял Петелин.*

*Летучей рыбы мимолетный след
Бежал по лунной голубой дорожке,
Когда, забыв про сон и про обед,
«Макал» без усталости батометры Морошкин.*

*Биологи растроганы до слез,
Они опять в восторге от улова –
Десятки новых видов им принес
Сачок рыбацкого умельца Фисунова.*

*На судне много опытных ловцов,
Доверху трюм их рыбами затарен,
Среди которых сотни образцов
Впервые описал профессор Парин.*

*С тех пор воды немало утекло.
Но крепок дух, готова к бою шпага,
И грело нас душевное тепло
Старейшины по «Витязю» Живаго.*

В. Г. Нейман

Введение: Nevermore

*Никогда ничего не вернуть,
Как из солнца не вытравить пятна,
И в обратный отправившись путь,
Никогда не вернешься обратно*

Ты любил эти стихи Виктора Астафьева

Пишу, обращаясь только к тебе, родной. Ты всегда здесь, рядом. Прости, если что-то из написанного не всегда будет точно соответствовать действительности или написано не совсем так, как тебе бы хотелось. Но я старалась. При изложении будут провалы во времени, мгновения, уводящие как бы в сторону от хронологического естественного течения, недолго длящиеся, но иногда весьма длительные. Мысли всегда путаются, проходят, исчезают и неожиданно возникают вновь. Если мне не удастся написать эти строки, то я не знаю, как буду жить дальше. Просто будет нечем жить тогда. С твоим уходом всё затмилось, потускнело, померкло и, когда наметились какие-то проблески кое-что воспроизвести на бумаге, пустота стала несколько заполняться и приобретать очертания.

Сан-Франциско, Н. В. Парин после доклада в Стенфордском университете, рядом Н. Ковалевская и В. Мухачева.

Дурасовский дворец в Люблино – ныне музей-заповедник. Его белый купол и изящная колоннада возвышаются на холме над огромным прудом в окружении дворцового парка. Там располагался Институт океанологии, где я увидела тебя впервые, когда ты, загорелый и радостный, пришел из очередного рейса на «Витязе». Прослушав несколько минут доклад

заведующего лабораторией микробиологии В. О. Калининко о возникновении жизни в воде под воздействием электролитов, ты, иронично улыбаясь, удалился, бросив на меня ничего не выражающий взгляд и несколько слов приветствия незнакомке. Тогда я узнала, что ты и есть тот самый известный ихтиолог и уже кандидат наук Коля Парин, женатый и, конечно, моложе меня.

Твоя внутренняя сдержанность, неразговорчивость и что-то непонятно-тревожащее затронули меня, и при дальнейших случайных встречах всё чаще хотелось видеть тебя и общаться с тобой по любому поводу. И ты не избегал подобных встреч. То предложил мне помощь в выборе щенка ирландского сеттера, то случайно оказался в электричке, когда я ехала за город, то находил разные причины для свиданий в лаборатории, где я работала. Ты провожал меня до Яузского бульвара, и даже зимой мы прогуливались до Чистых прудов, когда бульвар был пуст и снег скрипел под ногами. Редкие машины мелькали за переплетениями черных веток деревьев, просвечивалась ажурная ограда Института туберкулеза и дом, где я жила с детских лет.

Постепенно ты полностью вошел в мою жизнь. Наступил триумф всепоглощающего прекрасного времени. Безудержные совместные поездки то в Архангельское к Юсуповым, то в Абрамцево к Аксакову, то в Мураново к Тютчеву и даже на дальние расстояния в Клин к Чайковскому и в Михайловское к Пушкину, а чаще просто поездки на электричках по разным местам Подмосковья. Посещение театров или музеев, а в основном бесконечные хождения по улицам или поездки в метро, когда негде было согреться. Главное, чтобы только быть рядом и говорить, говорить обо всем, что было и что есть на свете. А однажды, в осенний туманно-солнечный день выпало счастье на машине поехать на озеро Селигер, где, находясь в каюте катера, не видели ничего вокруг и озера тоже. Да было ли оно вообще? Мы видели и слышали только друг друга.

Наши временные расставания, когда всё дальнейшее казалось совершенно несбыточным (ведь у нас были семьи), но лишь единственный звонок по телефону и встречи возобновлялись вновь и вновь, вопреки всякому здравому смыслу. Мне нравился ты не только сам по себе – твой юмор, твои оценки и мысли, твои энциклопедические знания, твоя увлеченность наукой и, конечно, любовь к собакам.

Знакомство с тобой перевернуло всё мое существование, спокойно протекающее в доме на Яузском бульваре. Всё завертелось, закружилось в безумном вихре. И я ушла из института. Сначала в никуда. Потом вернулась в Университет на свой родной биофак. Развод стал неминуем. Изменить уже никто ничего не мог.

А потом... Что было потом? Собственно говоря, всё началось потом.

Находясь под впечатлением вдохновенных рассказов В. О. Калининко, мы, еще не обремененные браком, решили спуститься на байдарке по реке Урал вдвоем, нет втроем, в одной лодке вместе с милой верной Данкой. Нам было уже за 30. Тогда мы еще не задумывались над тем, что сулит нам будущее, да будет ли оно для нас вообще. Мы тогда жили только настоящим.

Помню, как ночью мы высадились с тяжелым рюкзаком и упакованными байдаркой и палаткой на какой-то станции перед городом Уральск и сидели, ежась от холода, на скамейке вблизи реки в ожидании рассвета. И когда легкие волны реки осветились проблесками первых лучей солнца, ты, неожиданно для меня, проявил свои экспедиционные навыки и быстро превратил бесформенный тюк в аккуратно собранную лодку с двумя веслами наперевес, готовую принять беглецов на борт и отправиться в неизвестное плавание. И далее ты удивлял меня своим умением собирать палатку, разжигать костер из собранных сучьев, над которым закипал каким-то образом размещенный чайник. Все эти навыки с ужасом полагала я, будут моей заботой.

Н.В. Парин на реке Урал, 1968 г.

А потом мы окунулись в сказку, которой внимали при общении друг с другом, слушая тихий плеск о борт лодки спокойно текущих вод реки при ее крутых поворотах и изгибах. И невольно задумывались о предстоящем желанном пути к открытым просторам синего моря. Но, увы, дойти туда, где Яик уходит в море, мы так и не смогли, хотя течение активно несло нас и грести почти не приходилось.

Протекает Урал среди крутых склонов яров и светло-песчаных отмелей. На песочке у воды воробьи, кулички, чибисы весело щебечут, что-то старательно выискивая. Легкий ветерок доносит аромат шелестящих листьев сухой полыни. Покой, спокойствие и отрешенность. Внутренняя восхитительная тишина овладевает нами под теплыми лучами солнца. Голубое небо тронута в бесконечной высоте пленкой перистых облаков, но такое же пронизывающее, как твои глаза, оттененные черными бровями и ресницами, забравшие синеву, дарованную им океаном.

Каждый вечер ты выбирал место для лагеря, преимущественно на высоком берегу реки – на Яру, там, где по склонам песчаных обрывов можно было подняться вверх и разбить палатку в зарослях ивы, впрочем, иногда делал это прямо на берегу. Когда пылал закат и луна бросала золотую дорогу на воды Урала, мы, сидя у костра, пьянели от счастья при виде дымчатых просторов вокруг. А главное, от сознания, что никто и нигде не знает о нашем существовании, что мы одни на целом свете, только мы и с нами наш Яик, который шептал нам свою колыбельную песню. Мы слушали гудки барж и пароходов, когда бакенщики зажигали огни, указывая им путь. Звезды, время от времени, скрываясь за дымкой, сияли, приветствуя нас:

*«Очаг – костер, палатка – дом,
И город стал далеким сном.
Наш путь далек, тверда рука,
Как друга встретит нас река»*

(из гимна В. О. Калининко, посвященному Уралу).

Когда начинала играть в воде рыба, иногда с шумом образуя большие круги, и оранжевое солнце за ветвями заходило за горизонт, тебе приходилось заботиться об основном пропитании и забрасывать в реку перемет с насаженными на крючки выловленных бреднем мальков (кстати, тогда я впервые узнала, что означает это странное слово – перемет и как на него надо ловить рыбу). Быстро окунуться в воду, когда за ветвями засияло степное зарево заката, выпить чашечку горячего напитка из терна или ежевики у костра, в котором уже догорают угольки, и в спальник в палатку, где уже сладко посапывает Данка, уютно устроившись там.

Ранним утром – опять в воду. Река снова – широкая, играющая солнцем. Прохлада, свежесть. Ведущий вместе с Данкой делает заплывы, стараясь достичь другого берега, до которого кажется, рукой подать. Но течение сносит их довольно далеко и Дана бьет лапами, требуя вернуться обратно. Всегда был полон ожиданий процесс вытаскивания перемета, прогнувшегося под тяжестью улова. Конечно, это были не те грациозные корифеи, которые при извлечении их из родной стихии на борт судна восхищали тебя своим сиянием, переливаясь всеми цветами радуги от сине-зеленого до золотисто-желтого. Но выловленные полосатые судаки блестели в лучах солнца, сияли серебром жерехи, а огромные почти метровые сомы так и норовили сорваться с крючка при вытаскивании их на берег. А один раз довольно крупный осетр, запутавшийся в лесках, одарил нас своим присутствием. И воды Урала замерли, услышав любимую тобой «Песнь о Гайавате»:

*«На песчаном дне на белом
Дремлет мощный Мише Нама
Царь всех рыб, осетр тяжельый
Раскрывает жабры тихо,
Тихо водит плавниками
И хвостом песок вздымает».*

Процесс сидения с удочкой в ожидании клева, нудный и однообразный, совершенно не интересовал тебя – просто терпения не хватало. Ты, конечно, предпочел бы ловить сачком, как иногда это делал в рейсах, и как однажды чуть было не выловил гигантского саргана в Панамском заливе, которого, правда, из-за дырки в сачке так и не смог вытащить на палубу корабля, и дал ему спокойно уйти обратно в родную стихию. С уважением и даже с некоторой завистью ты рассказывал об истинном асе по ловле любых рыб закидным сачком с линем Григории Касьяновича Фисунове – старом моряке и в то же время лаборанте в ихтиологической лаборатории. Фантастические броски его сачка поражали тебя по дальности и точности. Но здесь, на реке в нем явно не было необходимости.

И опять байдарка, весла и далее вниз по Яику до следующей стоянки. Поразил, неожиданно возникший маленький песчаный островок, мягко омываемый волнами, и два длинноногих серо-стальных журавля, нежно общающиеся друг с другом. А на другой стороне Урала – Самарской – казачьи поселки, светло-песчаные отмели и белоснежный песок с мелколесьем. Грузно ступают по песку, вздымая пыль, двугорбые верблюды, иногда заходя в воду по брюхо. Смотрят на нас, раздумывая, обдать слюной или нет. На всякий случай посылаю им воздушный поцелуй в виде подтверждения нашего глубокого уважения.

Простор впереди звал и манил вдаль.

*«Гордо вдаль неслась пирога,
Грозно песню боевую
Пел отважный Гайавата».*

Поражало безлюдье и редкие селенья на берегу. Купить буханку хлеба было невозможно. Но у рыбаков на реке всегда была паюсная икра по 3 рубля за банку, литровую притом, поедание которой осуществлялось столовыми ложками, что мы и делали сначала с удовольствием, а потом уже без оногo. Пытались угостить и Дану, но она, бедная, настолько была искутана клещами, от которых ежеминутно приходилось освобождать ее, что потеряла аппетит ко всему.

По вечерам, когда солнце постепенно скрывалось за горизонтом степных просторов, мы шествовали втроем на охоту. Горели позолотой облака, и вечерняя прохлада спускалась на землю. Впереди бежала внимательно принохиваясь Данка, за ней бодро вышагивал ее хозяин с ружьем наперевес, а сзади, как всегда последней, плелась я, которую больше интересовали кусты, обсыпанные черной ежевикой, заросли колючего терновника, растущие повсюду с потрясающе вкусными ягодами, шуршанье степной травы под ногами и поразительно красивые шурки, парящие в небе. А в лесу и в оврагах звенел веселый гвалт птиц, которых ты безошибочно определял. Переливались перепела и куропатки, а в заводях среди камышей тихо побрякивали дикие утки, охорашиваясь и нежась в теплых бликах воды, жалобно попискивали чирки и кулики. Конечно, не всегда охота на лесную дичь была удачной, но утки в старицах были почти всегда и стаями взмывали и улетали в степь при неосторожном приближении.

Никогда не забыть неожиданную встречу в лесу «нос к носу» с огромным лосем во время гона. Поджарый, тяжело ступая длинными ногами по сухим веткам деревьев и сметая всё на своем пути, он быстро нес вперед в нескольких шагах от нас свое грузное тело. Вся его грозная сила сосредоточилась в высоко поднятой, закинутой назад голове с огромными лопастями рогов и вытянутой от напряжения шее с темной гривой. Не видя никого и ничего вокруг, он издавал душераздирающий дикий крик, вернее вопль, призывая самку. Могуч и страшен он был. Мы, прижавшись к дереву, как зачарованные смотрели на него и боялись пошевелиться. Впрочем, ему явно было не до нас, и он неуязвимо промчался мимо. И тогда,

*«Всех зверей язык узнал ты,
Имена их, все их тайны,
Как в заводях бобер жилища строит,
Где орехи белка прячет,
Отчего резва косуля,
Отчего труслив Вабассо».*

Потом в течение многих лет ты больше не представлял себе проведения отпуска без поездок на Урал. Но именно это первое хождение на байдарке было особенным и незабываемым, и оказалось решающим для нашей дальнейшей совместной жизни. Природа Урала помогла нам познать радость общения друг с другом, чтобы потом не расставаться больше никогда. Мягкие запахи вечеров, чистый аромат наступающего утра, пряный запах дневного зноя полей – как рассказать об этом кому-либо, никогда не ощущавшему это. С тех пор мы влюбились в наш Яик.

После рассказов о нашем плавании, Алеша тоже решил освоить эту реку на байдарке вместе с приятелем, но успехи его в рыболовстве были весьма плачевными (питались они в основном консервами). И в письме из очередного рейса ты заклеил его

«Стыд и позор мне – ихтиологу, что такой у меня братец. А уж, какое это простое дело для тех блаженных мест. Зато мне очень приятно, что ты смог увидеть и по-настоящему оценить прелесть Урала». Думаю, что именно скульптурная группа «Верблюды на природе» потрясла Алешу. Но лось реагировал на их присутствие полным спокойствием, лишь шевелил ушами.

Я знала, что по линии Нины Дмитриевны твои предки – греки с острова Лесбос, и ты был весьма горд потомственной принадлежностью к этой стране. Весь твой образ говорил о

том, что ты «Nik – the Greek» (надпись, которую мы случайно увидели на о-ве Санторини). Благородная посадка головы, твой профиль достойны были быть у Олимпийских богов. Ничего странного не было в том, что в одной из поездок в США, ты не был узан американцем Джоном Смитом, так как «твой облик совсем не соответствовал представляемому им облику человека из России».

«Пышное» бракосочетание состоялось 10 июня 1966 г. в присутствии только наших друзей – Володи Беккера и Гали Покровской (увы, уже ушедших). Впрочем, эта дата совсем не соответствовала той, более ранней, которая изначально принесла нам счастье. И началась другая жизнь, жизнь с тобой, умным, мужественным, неотразимым, а главное, бесконечно любимым, названным значительно позже Сенсеем, которому ты вполне соответствовал.

Как всё казалось обыденным в той прошедшей жизни, и каким значением наполняются все события теперь, когда тебя и многих их участников уже нет на земле. Тебе было 33 в тот, теперь уже бесконечно далекий день, когда ты чувствовал себя молодым, чувствовал себя в начале жизни в преддверии интересного будущего. Все утраты были еще впереди.

Василий Васильевич Парин с сыном Колей и дочкой Ниной, вторая половина 1930-х гг.

Когда ты учился в школе в Старомонетном переулке, по указанию усатого упыря, в 1945 г. твой отец академик Василий Васильевич Парин был арестован, приговорен к 25 годам заключения и отправлен в товарном вагоне в Сибирь через Красноярск. Но был возвращен обратно на Лубянку, после чего должен был отбывать десятилетний срок во Владимирской тюрьме. Нина Дмитриевна и четверо детей после выселения из престижного правительственного дома – «Дома на набережной», ютились в одной комнате в коммунальной квартире в Столешниковом переулке в доме 11, кв. 9. Алеша был совсем маленьким, Нина была студенткой Мединститута, Вася учился там в школе. Вспоминая школьные годы, ты всегда с теплотой говорил об учительнице немецкого языка, внимательное отношение которой тогда глубоко тронуло тебя.

Алеша, Нина, Вася, Коля и Нина Дмитриевна Парины, 1949 г. Эта фотография была послана В. В. Парину в тюрьму.

Арест отца был потрясением для вашей семьи. Ты понимал, что, оставаясь самым старшим в семье, вся ответственность теперь ложится на тебя. Нине Дмитриевне приходилось работать в две смены детским врачом в поликлинике и без всякой надежды на будущее тянуть всю семью. На Лубянку в двухэтажное здание КГБ, уже снесенное, как постыдный отголосок прошлого, она носила передачи для Василия Васильевича, простаивая в очередях с такими же обездоленными людьми в ожидании, возьмут или не возьмут передачу. Если не возьмут, то это означало, что адресата уже нет в живых.

В этом трагическом для многих его жителей доме на набережной теперь организован Музей памяти, который мы посетили в связи со 100-летием со дня рождения Нины Дмитриевны. Алеша читал написанные им строки, посвященные Н.Д., сейчас изданные в журнале «Знамя». Проходя по внутреннему выстланному плиткой холодному зеву дома, ты не захо-

тел войти в подъезд, где находилась ваша квартира, из которой увели Василия Васильевича. Чувство ледящего ожесточения и боли выражало твое измученное болезнью лицо. Света за деревьями не было. Быстро уехали на такси. В этом доме ты был тогда последний раз.

По инициативе Нины Дмитриевны в день рождения Василия Васильевича каждый год 18 марта в квартире на Беговой, мы собирались за столом всем многочисленным семейством. Но вскоре этому общению пришел конец. Очень далеки мы стали друг другу. Разные интересы, отсутствие общения, а правнуки даже незнакомы.

После окончания с отличием школы, ты сделал унижительную попытку поступления на биофак МГУ, но для сына «врага народа» двери этого заведения были закрыты. Об этом много раз ты рассказывал мне с горечью и обидой. С того времени неприязнь к Университету воцарились в твоей душе навечно. И Мосрыбвтуз, незаслуженно названный как «единственный провинциальный вуз столицы», ранее относящийся к Сельскохозяйственной академии, в которой выросли классики отечественной науки такие, как профессора Л. С. Берг, В. К. Солдатов, А. И. Световидов был осчастливлен поступлением в него Н. Парина и многих других талантливых детей репрессированных, таких как В. Беккер, К. Несис, А. Монаков, Ю. Лабас, впоследствии крупных ученых и твоих друзей. Кстати, ведущими кафедрами в Институте тогда заведовали такие авторитетные ученые как Л. Л. Россолимо (гидрология), Н. С. Гаевская (гидробиология), а ихтиологию и физиологию рыб вели П. Г. Борисов и Н. В. Пучков. Твой сокурсник и большой друг Коля Корнилов, занимавший большой пост в Управлении промысловой разведки в Керчи, считал, что какой бы институт Парин не закончил в любой области науки, он стал бы большим ученым – Сенсеєм.

Выбрав своей специальностью морскую ихтиологию, ты много времени проводил или на кафедре, сидя за микроскопом в лаборатории среди книг, или общаясь с друзьями в Тимирязевском парке, где тогда располагался Институт. Практику ты проходил на различных водохранилищах или реках Подмосквья, или с сокурсниками в матросской форме в Приморском крае среди скал в красивой бухте Преображения. К сожалению, эти студенческие фотографии не подписаны, и ты сам с трудом можешь назвать места, которые там изображены. Но любовь к природе Дальнего Востока у тебя осталась в душе на всю жизнь, и пределом твоих желаний было продолжение научной работы, именно там, в ТИНРО.

Твоим развлечением вместе с другом по институту Федей Щастным, тоже ихтиологом, было активное участие, в футбольных матчах, пока серьезно не покалечил ногу, причем этот шрам сохранился на долгое время. Верен ты был команде ЦСКА, знал фамилии всех игроков и переживал их проигрыши, что вызывало мое недоумение. Впрочем, ты увлекался не только футболом, но и всеми достижениями в спорте, в том числе и гонками на велосипеде, и даже в письмах из рейсов просил брата Васю, а потом и сына Колю, сохранять для тебя все выпуски газеты *«Советский спорт»*.

На одной из фотографий ты величественно стоишь, гордо обняв велосипед, после преодоления с Федей расстояния в сотни километров из Москвы в Крым (говорил, что на Дальний Восток тоже смог бы). Об этой поездке, о ночевках в заброшенных сеновалах или на земле под звездами, о питании «чем бог пошлет» или по пути на огородах, ты часто рассказывал, вызывая изумление этим немислимым путешествием, как бы доказывая свою возможность при необходимости преодолевать любые трудности, с которыми тебе впоследствии приходилось сталкиваться в рейсах, в том числе и преодолевать слабость вестибулярного аппарата. Скромный и застенчивый Федя, часто навещал тебя и делился своими переживаниями о здоровье мамы и об успехах сестры в балете. И лишь случайно, сравнительно недавно мы узнали из интернета, что он – сын капитана Щастного, который во время войны, вопреки приказу, спас Балтийский флот от затопления, и был расстрелян по обвинению в измене. Федя никогда не рассказывал тебе об этой трагедии в их семье. Возможно, он не хотел добавлять к твоим столь сильным

переживаниям еще и свои. Годы спустя мы пытались восстановить знакомство, пытались найти его адрес, но тщетно.

Не могу не упомянуть о твоём школьном приятеле – Михаиле Агурском, дружба с которым продолжалась долгие годы вплоть до его странной кончины в Москве в расцвете творческих сил. Репатриированный из СССР, он впоследствии профессор Израильского университета, политолог, историк, литературовед, вел с тобой нескончаемые беседы о своей идеологической позиции, об общности технической и биологической эволюции. Оригинальный советолог со своими собственными взглядами и даже предсказаниями политических игр в стране. Его трепетное отношение к природе трогало и поражало тебя. Когда мы были в госпитале в Иерусалиме, мы издали видели кладбище, где он был похоронен и надгробья с положенными на них камнями, символизирующими вечную память.

Для облегчения жизни большой семьи еще в студенческие годы ты ежегодно ходил в рейсы на различных судах, как из Владивостока, так и из Петропавловска, Усть-Нарвы и Таллина. Нина Дмитриевна с 1953 г. сохранила эти твои письма из рейсов, полные любви и заботы об ее здоровье и о здоровье маленького Алеши, с переживаниями, что ни чем не можешь ей помочь в хозяйственных делах по дому. Сначала они были адресованы только ей по адресу Столешников переулок д. 7 кв. 9, а потом с 1954 г. и Василию Васильевичу, вернувшемуся из Владимирского централа, по адресу Беговая д. 11 кв. 71.

В этом впоследствии переданном мне пакете она сохранила также твои наивные детские рисунки, преимущественно кораблей и перерисованные карты, на которых изображены пейзажи дальних стран. Такими гравюрами были украшены поля книг Форстера о хождениях на кораблях капитана Джеймса Кука, а также книга Чарльза Дарвина о его путешествии на «Бигле». В этом конверте были также сочинения, в частности, на тему о помещике Троекурове, грамоты за отличную учебу, вырезки статей из газет, в частности, касающихся рейсов на «Витязе», в которых ты позже принимал участие. С огромной благодарностью я получила этот заполненный конверт, который старалась разобрать и многое воспроизвести в этих записях. Честно говоря, если раньше я стеснялась читать эти письма из прошлого – ведь они с 1953 по 1962 г. были написаны, когда меня еще не было в твоей жизни, то сейчас, мне кажется, я читаю их вместе с тобой, живу твоими переживаниями, проникаюсь твоей трогательной заботой о здоровье родителей и тоской по дому, вниманием к учебе Васи и Алеши, интересуюсь их времяпрепровождением, передаю приветы сестре Нине и Фросе, понимаю радость появления на свет дочки Нины, а потом и ее первым словам, восторгаюсь подробными красочными описаниями тех мест, где ты тогда побывал, и радуюсь твоим первым научным изысканиям.

Когда, к счастью, «друг народа» отправился в ад, в Столешников переулок после восьми лет заключения в октябре 1953 г. вернулся Василий Васильевич. Он не любил говорить о тех унижениях, которым его подвергали в застенках Лубянки, но иногда делился с тобой, как бессонными ночами, почти теряющего сознание, его допрашивали, направив в лицо яркий свет лампы, как выдерживали в карцере, добиваясь признания в шпионаже. Слушая тебя, я проникалась той болью, которую ты испытывал в душе, сдержанно переживая за своего отца, вспоминая ту трагедию, которая постигла и мою семью в то устрашающее время.

Об этом периоде жизни Василия Васильевича ты невольно вспомнил, будучи в Южной Африке в 1997 г., когда посетил утопающий в тумане, обдуваемый ветрами остров Роббин, превращенный в колонию для преступников. Заключенных, в том числе и Нельсона Манделу, там содержали в отдельных камерах. Но когда экскурсовод сообщил, что у них не было разрешения играть в футбол, а только в теннис, пища выдавалась лишь три раза в день (ланч не полагался), и вода в душе была только холодная или горячая, ты, услышав возгласы негодования всех присутствующих, от «возмущения» выронил видеокамеру на пол, и промолвил: *«Пусть благодарят Бога, что они не попали в нашу тюрьму»*, и Janney Butch с удивлением

спросила: «*Why?*». Этот непривлекательный остров поразил своим запустением и наличием гигантского кроличьего заповедника, уничтожившего всю растительность.

В семейных повествованиях, написанных Алешей Париным и Васей Логиновым, лишь кратко упоминается о тебе, а о твоей жизни в студенческие годы, твоих увлечениях, о научной работе в Институте океанологии, об участии в научно-исследовательских рейсах на академических судах, на которых ты ходил в дальние плаванья в просторы Мирового океана, о твоих друзьях и людях, с которыми тебе приходилось встречаться не упоминается вовсе. Мне хотелось заполнить некоторые страницы твоей жизни и попытаться изложить то, что я знаю и помню из твоих рассказов, кое-что из твоих кратких записей. Но, в основном, из писем, которые ты присылал из научных командировок и почти ежегодных рейсов вплоть до 1989 г. и, наряду с этим, привести, далеко от определенной последовательности, выдержки из наших порой длительных поездок в разные страны и запомнившихся впечатлениях из совместной почти 50-летней жизни.

С детства ты жил в окружении собак, к которым всегда проявлял большую заботу и внимание. Тебе нравилось навестывать с Витой и Мартином круги по ипподрому, куда выходили окна вашей квартиры на Беговой улице, а когда Мартина разбил паралич, ты на руках выносил его на прогулку во двор дома. Но особое место в твоей жизни занимали ирландские сеттеры, к которым ты испытывал особую привязанность, обоюдную радость при твоём возвращении домой из поездок и большую боль, которую доставляла тебе их неожиданная кончина от болезни или от случайной гибели. Даже имена ты давал им связанные с морем, так «Дана» – название датского научно-исследовательского судна, а «Наска» – в честь подводного хребта в Тихом океане, ихтиофауну вод которого ты изучал. Дана осчастливила нас рождением шести очаровательных щенят, которые ползали по тебе, радостно улыбающемуся.

Помню твои переживания, когда на охоте несколько дробинok после неудачного выстрела Юниора, попали случайно в мочку уха Наски, не причинив ей существенного вреда. Испуганный визг и крик ужаса. Презирая потрясенного Юниора, несколько километров ты нес ее, столь же потрясенную, на руках до пристани на Волге, где стояла лодка. Отделалась Наска лишь испугом, а Юниор не только (ведь могло быть и хуже).

Совершенно неожиданная смерть второй Наски в 3-летнем возрасте от рака крови, такой маленькой, такой азартной и так тебя любившей, была потрясением для тебя. Сколько тоски и печали выражало твое лицо, когда ты, молча, стоял у окна, не в силах забыть ее. Но от приобретения Айки (Аиры) – Диоскури Двинвен (по происхождению шведки и англичанки) ты не смог устоять, когда увидел это милое создание, которое привнесло в наш дом столько радости и нежности. Положив голову тебе на грудь, она преданно смотрела карими влюбленными глазами. Айка ушла 3 июня 2012 г. в возрасте 10 лет через 2,5 месяца после твоего ухода. Не смогла она преодолеть тоску по тебе. Во время болезни ты больше всего беспокоился, что будет с Айкой, когда нас уже не будет. Почему-то ты был уверен, что она переживет нас.

Но вас пережила только я и теперь, чтобы спастись от одиночества, я с помощью твоей дочки Нины приобрела из питомника кроличьего длинношерстного таксёнка по имени Василиса, переименованной мной в Айку Милое, доброе, преданное создание, любящее спать со мной на подушке или под одеялом. Уверена, что и ты полюбил бы ее.

Передавшаяся по наследству страсть к охоте, всегда занимала большое место в твоей жизни, хотя свою работу во время рейсов, ты считал, тоже можно назвать охотой. Особенно ты любил ездить в Кимры к твоему другу охотоведу Володе Соколову, которого ты искренне уважал и любил как охотника и человека, отдавал ему в натаску собак, но на выставки предпочитал водить их сам. После хождения по охотничьим местам ты получал удовольствие от проведения времени в его деревянном доме на берегу Волги, которая была тебе родной еще с детских лет. Визиты к Володе для тебя всегда были праздником, сопровождавшимся обильными застольями и нескончаемыми разговорами. Ты любовался спокойным разливом широ-

кой реки, любил бороздить ее воды на моторной лодке, когда отправлялся на охоту к дальним, с трудом различимым берегам, но процесс ловли рыбы, которым активно промышлял Володя, не доставлял тебе никакого удовольствия (хотя кушал оную ты с аппетитом).

Большую радость доставляли тебе поездки вместе с Василием Васильевичем в свободное для него время на охоту вместе с Витой или Рипом. Ездили на Истринское водохранилище или в Егорьевск к егерю Красоткину. К своему удивлению, у одного из рыбаков ты случайно заметил пойманную змеевидную зеленоватую рыбку, относительно большого размера, которую сразу же определил как европейского речного угря из экзотических краев, каким-то путем достигшего этих мест. Но обратное путешествие на нерест в Саргассово море оказалось для него, увы, нереальным.

Сохранились письма Василия Васильевича из Киргизии, адресованные тебе, в которых, помимо описания тех мест, где он побывал, подробнее излагались удачи и неудачи в охотничьих походах, вплоть до количества и качества убитой дичи, что напоминало письма Аксакова к Тургеневу, ведущих, как известно, этому процессу строгий учет. В одном из писем В.В. радостно сообщает тебе, что привез домой ручного кеклика – очень симпатичного «парня», кем-то пойманного сетью и выросшего с цыплятами. Независимое поведение этого темно-оливкового фазанчика с темными полосками на боках, по-хозяйски расхаживающего по квартире и нежно привязанного к Нине Дмитриевне, очень тронуло тебя, и охота на фазанов стала для тебя запретной. Все письма, которые писал тебе Василий Васильевич, поражают желанием поделиться «в *каких странствиях*» он побывал вместе с Ниной Дмитриевной, трогательной заботой о твоём здоровье, интересом к твоей ихтиологической работе и о дальнейших перспективах. Никогда не чувствуя родительского диктата, ты всегда прислушивался к советам отца по поводу самоусовершенствования в выбранной профессии. Впрочем, еще с детских лет учеба всегда давалась тебе легко, всегда было интересно что-то читать, в основном книги из серии, изданной Географизом и познавать нечто новое из энциклопедий.

При коротких стоянках во Владивостоке в ожидании начала тех или иных рейсов ты всегда стремился выкроить свободное время, чтобы с твоим другом ихтиологом Славой Шунтовым уехать на несколько дней в лес, чтобы полюбоваться природой и заняться охотой на рябчиков, тетеревов или вальдшнепов. Это было наиприятнейшее времяпрепровождение на природе, о котором при возвращении домой ты с восторгом рассказывал. Иногда ты ездил за 45 км от Владивостока в долину реки Суифун на пойменное озеро Утиное и писал родителям, как «в чудесную осеннюю погоду любовался домиками ондатр. *Надеюсь съездить еще раз, говорят, скоро пойдет гусь*».

И далее из письма:

«Был на охоте. Ездили втроем на один день за 150 км от города. Надеялись пострелять рябчиков. Тайга очень красива, тем более, что погода вновь установилась теплая и солнечная. Рябчиков мало (я видел только одного, да и тот слетел метров в ста от меня), кроме того, опавшие сухие листья очень шумят под ногами и не дают двигаться без шума. Интересно, что на Дальнем Востоке рябчик живет среди лиственных деревьев, поэтому стрелять осенью, когда нет листьев, очень легко».

Не могу не привести здесь записи твоего племянника Васи из его книги «*Василий Васильевич Парин. Семейный портрет*», как несколько раз ему приходилось бродить с тобой по тверским лесам. Его приводила в удивление твоя способность «*при быстрой ходьбе успевать заметить все необычное, что встречалось на пути, касалось ли это перевернутого камня, сместившейся ветки, необычно вывернутого куска земли или мха, различить глухариное перо у болота, особого вида помет, что могло свидетельствовать о том, что здесь должен быть глухариный ток, что и подтверждалось местными жителями*».

Каждую весну когда только начинал заниматься рассвет, ты ходил из нашего дома в Тверской губернии по уже начавшему таять апрельскому снегу на глухариный ток. Несколько раз ты

предлагал и мне пойти с тобой, но, перспектива идти из дома, особенно после хорошо протопленной печки ночью с фонарем, когда холод пронизывал насквозь, и когда из болота с хлопанием приходилось вытаскивать то одну, то другую ногу всегда останавливала меня. И я не шла.

Однажды, ты все-таки вывел меня, на, так называемый, «подслух». Кое-как пробравшись через болото, не раз провалившись, ты усадил меня на ствол упавшего дерева и в темноте заставил ждать, когда через ночную мглу будут услышаны голоса глухарей, к которым ты относился трепетно и с уважением, как к древнейшим птицам на земле. Твое терпение было устрашающе непоколебимым. Комары безжалостно жалили, было холодно и сыро, но надо было спокойно сидеть и безмолвно ждать. Так ничего и не дождавшись, в чем, конечно, была виновата я (попискивала громче, чем комары), пошли собирать наисластейшую чернику на кочках в болоте. Кстати, с возрастом ты перестал увлекаться охотой на глухарей: *«Жаль его, такого большого и поющего о любви».*

Н. В. Парин на охоте, 1970-е гг.

С заходом солнца начинались сборы на вальдшнепиный ток, который с такой радостью приветствовала наша сеттерица. Совсем недалеко от дома в деревне Гуляево в определенном месте на опушке леса до темноты вы сидели вдвоем, внимательно прислушиваясь к приближающимся издали звукам, заставляющим активно биться ваши сердца. После выстрела, который редко попадал в цель, она укоряюще смотрела не тебя, как бы говоря: *«Ну что же ты, папочка».* А если, неожиданно, выстрел оказывался удачным, стремительно срывалась с места и без усталости начинала искать среди кустов добычу. А однажды, ты, потрясенный, рассказывал, что увидел рысь, стремительно появившуюся из-за кустов и столь же стремительно исчезнувшую.

С помощью ежегодно посещавшего эти места твоего друга Володи Флинта – известного орнитолога и заядлого охотника на глухарей, изучением которых, их поведением и питанием он занимался (его охрана стерхов достойна отдельного описания), осуществилось наше знакомство с сотрудниками заповедника Виталием и Таней Кочетковыми – милыми гостеприимными хозяевами собственного дома в Центрально-лесном заповеднике в 300 км от Москвы. Ты

с нетерпением ждал дня разрешения на охоту, чтобы поехать туда, где нас всегда ждал радушный прием в виде испеченного Таней пирога с черникой и варенья из морошки. С Виталием ты совершал дальние прогулки по еще нехоженным местам, где в лесу, слушая душераздирающее завывание волков, поведение которых – тема кандидатской диссертации Виталия, оставались ночевать в лесу, устроившись под елью, в ожидании рассвета, когда запоют глухари. Ходили в те места, где можно было в изобилии собирать чернику, а морошку – твою любимую ягоду, ты собирал один, по колено утопая в болоте. Многие иностранные туристы платили немалые деньги, чтобы приехать в этот заповедник для ознакомления с русской природой.

Кстати, процесс приготовления глухаря был известен только Володе Флинту, что делать он никому не доверял. Пышущего ароматами глухаря на блюде с печеными яблоками Володя в белом фартуке торжественно вносил в гостиную, а затем с помощью особого ножа следовала раздача его находящимся в ожидании гостям. Это было незабываемо красиво и вкусно.

Впервые, вместе с Федей Щастным, ты пошел в первый рейс на судне *«Изумруд»* из Владивостока по дальневосточным морям, когда начальником экспедиции был уважаемый тобой ПА. Пискунов. Тогда ты познакомился с промысловым ловом сельди и трески сетями, которые приходилось тянуть голыми руками до образования незаживающих болезненных волдырей на пальцах. Впоследствии после рейса на судне *«Профессор Месяцев»*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.